

Ю.Ю. БЕЛОВА

ТРЕЗВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ: МОТИВЫ, РОЛИ, ПРАКТИКИ

БЕЛОВА Юлия Юрьевна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник научно-учебной лаборатории политических исследований, научный сотрудник лаборатории экономико-социологических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия (ybelova@hse.ru).

Аннотация. По результатам анализа серии глубинных биографических интервью с трезвенниками раскрываются их социальные роли и практики, а также предпосылки отказа от алкоголя. Как носители соответствующего образа жизни, опрошенные типологизированы по критерию габитуса («естественные», «бывшие “культурно пьющие”», «бывшие алкоголезависимые»). Мотивы выбора трезвого образа жизни различаются по направленности накоплений личных и общественных капиталов («сохранение», «наращивание», «восполнение»). Раскрыты социальные роли в ситуациях потребления алкоголя на границе социокультурных полей («активная», «рациональная», «пассивная», «конформная», «протестная»). Они отражают практики поведения – «активного вмешательства», «рационального поведения», «пассивного соприсутствия», «конформного поведения», «протестного поведения».

Ключевые слова: трезвый образ жизни • трезвенники • трезвость • отказ от алкоголя • потребление алкоголя • глубинное интервью • биографическое интервью

DOI: 10.31857/S013216250022133-9

В России тренд отказа от алкоголя постепенно приобретает массовые и устойчивые формы. За десять лет с 2009 г. почти в два раза увеличилось число непьющих людей. В 2018 г. их доля составила 40% взрослого населения¹. Есть коллективные формы отказа от алкоголя – в стране насчитывается около 1000 сел, где возникли организованные практики ведения трезвого образа жизни². Примечательно, что эту идею поддерживают те, кто не является сторонником абсолютной трезвости [Зотова, 2018]. Изменяется и общественное восприятие людей, отказавшихся от алкоголя. Если в результатах исследований начала 2000-х гг. отмечалось, что «отношение к взрослым трезвенникам недоверчивое, подозрительное, а к трезвенникам среди молодежи, пожалуй, настороженное» [Позднякова и др., 2011], то в 2014 г. восприятие изменилось – большинство россиян относилось к ним положительно (43%), 9% – нейтрально, 3% – с восхищением, только 4% – отрицательно и с подозрением³.

В условиях сохраняющейся социальной нормативности потребления алкоголя и утверждающейся практики трезвого образа жизни целесообразным представляется

Исследование осуществлено в рамках Гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских учёных – кандидатов наук (проект МК-6274.2018.6), 2018–2019 гг. и Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Автор благодарит коллектив лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ за комментарии.

¹Безвредный алкоголь: миф или реальность? Пресс-выпуск ВЦИОМ, 2018. 21 сентября: 3768. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9324> (дата обращения: 10.12.2022).

²Елков И., Скрипка А., Таюрский В. Трезвые. В России около тысячи деревень отказались от алкоголя. Российская газета-Неделя. 18 марта 2018: 7517 (54). URL: <https://rg.ru/2018/03/14/v-rossii-okolo-tysiachi-dereven-otkazalis-ot-alkogolia.html#> (дата обращения: 10.12.2022).

³Употребление алкоголя: привычки и предпочтения. Пресс-выпуск ФОМ. 31 марта 2014. URL: <https://fom.ru/obshchestvo/11431> (дата обращения: 26.05.2022).

типологический анализ структуры последнего. В задачи исследования входит поиск ответов на вопросы о том, какие типы трезвенников существуют, чем обусловлена их гетерогенность, в чем мотивы их выбора, через какие практики повседневности и социальные роли он реализуется. Уточним – речь идет о людях, жизненные траектории которых обусловили способ жизнедеятельности, где нет места алкоголю.

Обзор исследований практик отказа от алкоголя. В отечественной науке феномен отказа от алкоголя изучен слабо. Большинство работ посвящено истории коллективной борьбы за трезвость (см., напр.: [Афанасьев, 2007]). Актуализация коллективного отказа от алкоголя в современной России дала толчок развитию исследований: изучается опыт принятия коллективных решений отказа от алкоголя жителями сел и деревень [Зотова, 2018], производится социально-антропологический анализ деятельности сообществ трезвенников как ячеек, способствующих сохранению традиций коренных жителей Севера [Ярзуткина, 2016], анализируются социальные эффекты коллективных практик отказа от алкоголя [Жегусов, Лыткин, 2018].

Меняется и сам исследовательский подход. Так, если в 1990-е гг. трезвенничество считалось позитивной девиацией, а его сторонники позиционировались как социальные деприванты и носители специфических социальных черт [Горченко, 1992], то сегодня трезвый образ жизни видится как социальная норма [Зотова, 2018].

В зарубежной исследовательской традиции трезвость чаще всего рассматривается с позиции социально-психологических теорий. Распространены исследования, основанные на теории личности А. Бандуры (см., напр.: [Marlatt et al., 1997]); оценивается степень уверенности в отказе от алкоголя [Jongenelis et al., 2018], изучается, как саморегуляция влияет на такой выбор [Cho, 2007]. Концепция естественного восстановления (*англ.* natural recovery model) объясняет: сокращение проблемного потребления алкоголя в процессе взросления и усвоения новых социальных ролей [Lee, Sher, 2018]; отказ от алкоголя в результате волевых усилий без терапии [Malloch, Yates, 2010: 37–38]. Используется теория запланированного поведения Айзена (*англ.* theory of planned behavior) при прогнозировании ухода от спиртного [Ajzen, 1991].

Социологический анализ социального поведения трезвенников сосредоточен на извлечении смыслов, которые вкладываются в воздержание от спиртного [Caluzzi et al., 2020b], выявлении субъективных мотивов и причин отказа от него [Rosansky et al., 2020], определении объективных факторов прекращения потребления [Chiappetta et al., 2014]. Показателен ряд работ, сфокусированных на типологических характеристиках отказа от алкоголя. Наиболее распространены сравнительные исследования, где трезвенники сопоставляются с сильно пьющими и малопьющими, либо с «бывшими» и «нынешними» любителями спиртного [Coombs et al., 1985; van Lettow et al., 2013]. В целом трезвенники, как правило, делятся на две основные группы – никогда не употреблявшие алкоголь («естественные») и имевшие соответствующий опыт, но прекратившие пить («бывшие пьющие») [Eward et al., 1986].

Отсутствием типологии трезвенников на фоне множества классификаций потребителей психоактивных веществ озабочился С. Эйнштейн [Einstein, 1981]. Однако по сей день этому уделяется немного внимания, и, как правило, трезвенники рассматриваются как однородная группа. Между тем поднимается дискуссия о смещении результатов исследований из-за объединения в одну группу «не пьющих всю жизнь» и «бывших пьющих» [Jarl et al., 2010]. Таким образом, типологический анализ повседневных практик малоизученной в России социальной группы – трезвенников – актуален и востребован.

Методология и методы исследования. Согласно П. Бурдьё, практика представляет собой не только действие агента, но и его структурную опосредованность. Она одновременно объективна и субъективна, а ее сущность состоит в различии – за что несет ответственность габитус [Bourdieu, 2005]. Таким образом, практики обусловлены индивидуальными навыками и обстоятельствами, формирующими отношение к алкоголю. Отсюда вытекает гипотеза – для трезвого образа жизни высока роль как условий взросления и социализации индивидов, так и субъективных возможностей реализации трезвеннических

практик. «Габитус является порождающим принципом объективно классифицируемых практик и одновременно системой классификации этих практик. Именно в соотношении между этими двумя способностями, определяющими габитус, – способности производить классифицируемые практики и их продукты и способности различать и оценивать эти практики и эти продукты (вкус) – формируется представление о социальном мире или пространстве стилей жизни» [Бурдые, 2005: 26]. Предположим, что трезвенники как носители разных габитусов имеют и различные внешние условия, которые сформировали их образ и стиль жизни, объем и структуру капиталов, социальные роли, способствовали отказу от алкоголя. Образ жизни «возникает в результате реализации и последующей объективации тех или иных способов или стилей жизни» [Возьмитель, 2003: 72]. Таким образом, можно сказать, что жизнь без спиртного дифференцирована стилями жизни, которые образуют совокупности практик, обусловленных различными габитусами.

Через различия в габитусах и предпочтениях, согласно П. Бурдые, воспроизводится структура социальных позиций, каждая из которых зависит от объема и структуры капиталов, различающихся и у трезвенников (как в синхронном – накапливаемые в настоящем, так и в диахронном – накопленные в прошлом – срезе).

Социальное пространство нами понимается в соответствии с концепцией социокультурного поля В.И. Ильина как «относительно автономный участок социального пространства, обладающий надиндивидуальной реальностью, порождаемой прямым или косвенным (через организации) взаимодействием людей» [Ильин, 2006: 32]. Каждое поле имеет ресурсы, культуру (на уровне общества), субкультуру (на уровне групп), культурные программы (ценности, нормы, реализуемые в практиках – на уровне первичных групп), язык, границу и режим ее поддержания. Каждый индивид одновременно включен во множество социокультурных полей, которые не являются равноположенными, поскольку в каждой конкретной ситуации доминирует то или иное из них. Этот подход позволяет определить, во-первых, каким образом различаются капиталы трезвенников как носителей различных габитусов и представителей различных социокультурных полей, во-вторых, узнать, где проходит граница социокультурного поля трезвенников, как она поддерживается и воспроизводится.

Для этого в исследовании анализируются их социальные роли в ситуациях потребления алкоголя окружающими, где сталкиваются два доминирующих для каждой группы поля – пьющих и непьющих людей. Социальные ситуации при этом рассматриваются как перформативные и фреймированные с позиций драматургического подхода и теории фреймов И. Гофмана, связанных между собой. Рекурсивность фрейма позволяет рассматривать социальную ситуацию потребления алкоголя как устойчивую относительно ее повторения, что обуславливает обобщенные социальные установки. В социальных перформативных ситуациях особый интерес вызывает взаимный процесс производства впечатлений, где социальные роли трезвенников связаны как с произвольным, так и непроизвольным самовыражением.

Методы. В соответствии с избранной методологической позицией, в конце 2017 – начале 2018 г. была проведена серия глубинных биографических интервью на территории г. Йошкар-Олы среди лиц, проживающих и находящихся в пределах города в период интервьюирования ($N=20$). Следует отметить, что Республика Марий Эл на момент исследования имела средние значения зарегистрированных алкоголезависимых граждан по сравнению с другими регионами⁴, на ее территории действовали лишь федеральные ограничения на продажу алкоголя. Кроме того, среди населения отсутствуют значимые особенности культурного восприятия практик потребления алкоголя, а согласно «Рейтингу Трезвости», составленному экспертами федерального проекта «Трезвая Россия»

⁴Здравоохранение в России. 2017: стат. сб. Приложение к сборнику (информация в разрезе субъектов РФ). 2017. М.: Росстат. URL: https://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/zdrav17.pdf (дата обращения: 26.05.2022).

и экспертно-аналитического центра при Общественной палате РФ, Республика Марий Эл занимает 48 место в списке из 85 регионов⁵. Таким образом, есть основания полагать, что жители региона воспроизводят близкие к общепринятым в России алкогольные и трезвеннические практики.

Отбор информантов производился с учетом их дифференциации по принадлежности к социокультурным полям по принципу комбинации методов снежного кома и референтной выборки (*англ.* respondent-driven sampling). Из различных социокультурных полей (естественных, активных, пассивных, религиозных трезвенников) были отобраны информанты, которые затем приглашали к опросу своих знакомых, соответствующих критериям отбора. Метод референтной выборки позволяет учесть гетерогенность представителей социальной группы трезвенников и обеспечивается через социальные контакты. Было осуществлено пять волн рекрутмента через отбор в первой волне – естественных, активных, пассивных, религиозных трезвенников. В результате в выборку попали носители различных ценностно-нормативных представлений о явлении трезвенничества, сознательно не употребляющие алкоголь ни при каких обстоятельствах, следующие различной логике социокультурных полей. Возраст информантов – от 18 до 66 лет. В ходе исследования анализировались место и роль трезвого образа жизни среди жизненных интересов и ценностных ориентаций информантов, обстоятельства, которые способствовали такому выбору (переломные моменты, знаковые события, жизненные ситуации), наличие капиталов у различных типов трезвенников.

Логика анализа транскриптов интервью разворачивалась по восходящей (от частного к общему). На первом этапе выбирались эпизоды, развивающие поставленные гипотезы. Затем однотипные сюжеты биографий информантов объединялись в классы. Чтобы установить связь между отдельными свойствами эпизодов, дальнейший категориальный анализ был связан с объединением классификаций в кластеры. На основе кластеризации путем сопоставления характеристик трезвенников как носителей различных габитусов производился типологический анализ структуры трезвого образа жизни – внешних условий, внутренних мотивов, практик отказа от употребления алкоголя и социальных ролей, проигрываемых в ситуациях, когда спиртное употребляют другие люди.

«Алкогольный» опыт как основа габитусов трезвенников. В структуре жизненных интересов и ценностной информантов трезвый образ жизни занимает важное место и характеризуется экзистенциальной самоотдачей, которая является этическим компонентом практик трезвого образа жизни и понимается как «преданность образу действий или форме жизни, а не каким-либо отдельным правилам» [Волков, Хархордин, 2008: 99]. Это присуще тем, кто потреблял алкоголь и отказался от него, а также людям, никогда не пробовавшим спиртное.

Исходя из концепции П. Бурдье, в ходе продолжительного опыта в той или иной социальной позиции индивиды получают основу, которая составляет габитус [Бурдье, 2014: 75], а поэтому различный опыт потребления алкоголя трезвенниками или его отсутствие – индикатор разных габитусов. Отсутствие практики потребления спиртного объясняется несколькими обстоятельствами: сохранением семейных традиций («*За семейным столом никогда не видела алкоголя. У нас такие традиции... Не было даже желания прикоснуться*», № 17⁶); усвоением негативных примеров («*Насмотрелась на пьющих родственников... Стыдно было за них, думала всегда, зачем пить эту гадость невкусную, если можно попить компот, чай*», № 17); соблюдением религиозных норм с детства («*Наверное [православное] воспитание повлияло на меня*», № 19).

Опыт потребления алкоголя практически отсутствует и у тех информантов, кто после первой пробы принял решение никогда больше не пробовать спиртное. Это происходило

⁵ Рейтинг трезвости российских регионов. РИА Новости. 27 ноября 2017. URL: <https://ria.ru/20171127/1509696354.html> (дата обращения: 26.05.2022).

⁶ Краткую характеристику информантов см. в Приложении.

либо из-за плохой физической переносимости или неприятных вкусовых ощущений, либо когда первый «алкогольный» опыт сопровождался казусом, нарушившим ожидания от потребления («И мне было стыдно, и после вот этого такого опыта желание выпить и отдохнуть с бокалом шампанского или с вином нету...», № 9).

Таким образом, отсутствие опыта потребления алкоголя информанты связывают, с одной стороны, с разными обстоятельствами (семейными традициями, семейным воспитанием, негативными примерами пьющих родственников, негативными последствиями пробы алкоголя и т.д.), с другой – с личными намерениями не пить (соблюдать семейные традиции, избежать негативных последствий потребления и казусов, за которые может быть стыдно, и т.д.).

Приобретаемый опыт алкоголепотребления и дальнейшее приобщение к нему сопряжены с этапами социализации информантов: в семье, в школьные годы, в студенческом или трудовом коллективе. Каждая из этих стадий отражает социальную позицию индивида. Так, в семье первые пробы алкоголя происходили с позволения родителей, которые стремились взять ситуацию под контроль («*Действительно, я попробовал алкоголь дома и у родителей... Лучше под присмотром, чтобы с тобой ничего не случилось, не дай Бог*», № 4). Те, чьи первые пробы были санкционированы родителями, в дальнейшем испытывали трудности с контролем количества выпитого алкоголя или с отказом от него. В школьные годы начало приобщения к алкоголю информанты связывают с подражанием сверстникам и выпускными вечерами, где оно санкционировалось учителями и родителями («*В школе была подруга, которая мне предложила алкоголь... И мы пробовали с ней*», № 13; «*На выпускном, на церемонии нам всем разливали*», № 2). В студенческом коллективе распитие алкоголя связывается с обретением самостоятельности («*Проживал в общежитии, так как уехал из родного города. Усилился интерес к алкоголю*», № 4), а в трудовом коллективе – с досуговыми практиками, например, после рабочего дня или в конце недели.

В зависимости от семейных традиций, социального окружения и рода деятельности одни информанты сталкивались с ситуациями потребления алкоголя чаще, чем другие. Индивидуальные различия также сказывались на интенсивности потребления алкоголя. Это позволяет говорить о том, что кто-то употреблял алкоголь, не выходя за рамки общепринятых норм («культурно пьющие»), другие систематически демонстрировали нарушение этих границ, что позволяло судить о себе как о зависимых («алкоголезависимые»).

Исходя из ответов информантов, можно выделить типы трезвенников как носителей различных габитусов по характерному опыту потребления алкоголя.

Естественные. К ним относятся люди, не пробовавшие алкоголь, либо имевшие единоразовый опыт, но сразу отказавшиеся от спиртного. Несмотря на принципиальный отказ, они необязательно занимают активную гражданскую позицию относительно трезвости. Для одних трезвый образ жизни – это инертное соблюдение семейных и религиозных традиций, усвоенных в детстве, для других – выработанные под влиянием воспитания твердые убеждения о вреде алкоголя, имеющие выход в практиках социальной активности, для третьих – это вызревшее отвращение к алкопотреблению в результате фиксации негативных последствий потребления алкоголя окружающими, для четвертых – личный опыт первой пробы спиртного, связанный с неприятными ощущениями и воспоминаниями.

Бывшие «культурно пьющие» характеризуются полным отказом от алкоголя даже в социально одобряемых границах. Решение детерминировано сменой личных убеждений или давлением внешних обстоятельств, о которых речь далее.

Бывшие алкоголезависимые – поборовшие патологическую тягу к спиртному. Данный тип представляет собой успешный результат специально приложенных внутренних усилий, в том числе сделанных под внешним давлением.

Мотивы и условия выбора и ведения трезвого образа жизни. Результаты интервью показывают, что мотивы ведения трезвого образа жизни отражают цели борьбы за капиталы и связаны с их накоплением в различных социокультурных полях (естественных

трезвенников, бывших «культурно пьющих» и бывших алкоголезависимых»). Согласно П. Бурдые, структура распределения различных видов капитала функционирует одновременно «как средства и цели борьбы в различных полях» [Бурдые, 2014: 54]. Информанты связывают наличие капиталов и соответствующее удовлетворительное социальное положение с ведением трезвого образа жизни («Люди ищут возможности», «Время дороже денег, времени больше стало», «Проявление активности», «Физическое состояние улучшилось», «Круг общения и уровень другой», «Человек свободен от зависимости», «Не нужно тратить на спиртное. Экономно» и т.д.). В связи с этим следует рассмотреть, как меняются мотивы ведения трезвого образа жизни в зависимости от принадлежности к разным социокультурным полям («естественных трезвенников», «бывших «культурно пьющих», «бывших алкоголезависимых»).

Естественные трезвенники гордятся своим образом жизни и стремятся сохранить его ценности и личные капиталы: «внутри тебя есть какая-то гордость, что ты не подвел человека [учителя], что ты все равно также стремишься и не падаешь» (№ 9). Бывшие «культурно пьющие» отмечают, что с момента отказа от алкоголя они почувствовали существенное улучшение качества жизни и нарастили личные капиталы: «Во-первых, не был бы женат, так как мне всегда было трудно с женщинами, во-вторых, безработным бы был, потому что когда я употреблял спиртное, случалось, увольнялся с работы. Не было стабильности» (№ 16). У бывших алкоголезависимых произошли резкие изменения в образе жизни (от пьянства к трезвости), и им пришлось наверстывать утраченные капиталы: «Вначале эти плюсы проявлялись в физическом моем состоянии... Много стало времени. Обычно праздник – это 3–4 дня. Это же надо потом отойти. А сейчас покатался на горках и всё. Ещё всю ночь прогудел, но при этом проснулся рано с утра, начал дальше гудеть – активно как-то праздновать, а не заливать в себя отраву, чтобы потом отходить от этого всего состояния» (№ 7); «Один мой знакомый, как только бросил пить, построил коттедж, хозяйство наладил, семью вернул» (№ 20). Их мотивы связаны с восполнением капиталов с нуля, и в этом смысле один из информантов привел интересную аналогию: «Это так же [употреблять алкоголь], как кредит брать. Система микрозаймов... Это невозвратная система, то есть, это не как счет, на который тебе вернется, а скорее, это кредит, который надо платить, туда еще проценты будут накидываться, чтобы потом восстановиться... Я не трачу [теперь] силы туда, в бездну [в отличие от пьющих]» (№ 4).

У одних респондентов доминировали мотивы сохранения, приумножения и восполнения личных капиталов (стать лучшим в какой-то деятельности, достичь жизненных целей, создать трезвую семью, иметь здоровых детей, быть отличным спортсменом и здоровым человеком) (эгоцентризм). Другие ориентировались на общественные капиталы, стремились внести вклад в общественное здоровье, в предотвращение социальной деградации (социоцентризм).

У всех типов трезвенников различается природа внутренних мотивов и внешних побудителей отказа от алкоголя. Для естественных трезвенников главный стимул – стремление к сохранению имеющихся капиталов. Их образ жизни сложился под влиянием семейных условий и личного примера значимых людей на разных этапах социализации (семейные традиции, негативные примеры потребления алкоголя в семье, воспринятые разрушительными, угнетающими, опасными, личный пример педагога, наставника, тренера, коллег, который укреплял убеждения). Показательна биография одного информанта, который имеет непьющих родителей. Ему запомнились ситуации из прошлого, укрепившие его в выборе трезвого образа жизни. Так, в школьные годы информанту было стыдно за выпивших одноклассниц: «Милиция остановила моих одноклассниц, задержала и наутро классный руководитель очень всех отчитала. И мне было стыдно, и после вот этого такого опыта желание выпить и отдохнуть с бокалом шампанского или с вином нету...» (№ 9). За этим последовал личный пример значимых людей – бескомпромиссность школьного педагога, спортивного тренера, непьющих коллег в трудовом коллективе: «Классный руководитель с нами разговаривал не так, как с учениками, а как мама с детьми... И ты

хочешь держать какую-то марку, какую-то хорошую позицию, чтобы тобой гордились. И говорили, что вот этот студент хороший... родители тем более не пили... я начала развиваться, заниматься спортом... На работе никто не пьет» (№ 9).

Бывшие «культурно пьющие» делали выбор в пользу сознательной трезвости, воспринимая ее как ресурс наращивания имеющихся капиталов. Их основные мотивы – стремление к сохранению и накоплению таких капиталов, как здоровье, в том числе близких людей, физическая активность, экономия времени, экономия личных финансов, достижение свободы от зависимости и т.п. Ведущими условиями отказа от алкоголя были спонтанные ситуации (неожиданные события, жизненные ситуации, которые заставляли обратить внимание на образ жизни). Например, это мог быть случайно попавший в руки диск с лекцией об алкоголе: «Я нашел лекции и в целом представил себе уже картину, как интоксикации влияют в целом на наше общество. Скорее, именно это побудило меня вести трезвый образ жизни. То есть, во-первых, я увидел, что я ведомый исключительно, что решение это [употреблять алкоголь] вовсе не мое... Описано как-то ярко, эмоционально, возможно, чересчур, не настоящим образом, но опять же это эмоционально затронуло вот, дошло до ума, как говорится. Но через эмоции всё-таки. Возмущение и негодование. Как же так, как же так, на самом деле так вот я и стал разбираться и добрался дальше...» (№ 4).

Напротив, у «бывших алкоголезависимых» преобладает желание избавиться от проблем, вызванных их пагубной привычкой, с нуля восполнить утраченные капиталы. На решение отказаться от алкоголя в большей степени влияли негативные ситуации, произошедшие с ними. Были найдены некоторые исключения, нетипичные мотивы и условия для того или иного типа трезвенников, что не мешает выделить наиболее характерные.

Мотивы выбора и ведения трезвого образа жизни различаются по критерию накопления капиталов трезвенниками:

- **сохранение капиталов** (характерно для «естественных трезвенников»);
- **наращивание капиталов** (характерно для естественных трезвенников и бывших «культурно пьющих»);
- **восполнение капиталов** (характерно для «бывших алкоголезависимых»).

В свою очередь на основе описанных информантами событий и внешних причин, побудивших отказаться от алкоголя, сформирован перечень условий, которые, по их мнению, способствовали укреплению трезвеннических убеждений: семейные традиции; негативные примеры, запечатлевшиеся в детстве, связанные с алкоголем; религиозность; личный пример значимых других; генетическая предрасположенность к алкоголизму; негативные социальные последствия потребления алкоголя; события, связанные с алкоголем, вызвавшие стыд за себя и других; личные утраты по причине потребления алкоголя (в т.ч. состояние здоровья); жизненные события, связанные со стремлением помочь алкоголезависимым людям; воздействие профилактических материалов; профессиональная деятельность, связанная с помощью алкоголезависимым.

Социальные роли трезвенников в ситуациях потребления алкоголя. Как отмечает И. Гофман, «вряд ли возможно говорить о закреплении деятельности в многообразном мире без представления о том, что поступки человека частично являются выражением и результатом его скрытого Я, его личности, и что это Я присутствует во всех ролях, которые он исполняет в любой момент времени» [Goffman, 1974].

Наиболее типичны для проявления социальных ролей трезвенниками ситуации, в которых происходит их взаимодействие с потребителями алкоголя. Проигрывая социальные роли в ситуациях потребления алкоголя, непьющие люди стремятся управлять их неоднозначностью [Piacentini et al., 2009]. В такие моменты сталкиваются два социокультурных поля (поле трезвенников и поле потребителей алкоголя), где каждая сторона на границе этих полей проигрывает конкретные социальные роли, а поэтому такие ситуации можно характеризовать как ситуации крайнего напряжения.

Согласно И. Гофману, «манера исполнения роли предполагает известное “выражение” личностной идентичности, которое, в свою очередь, является свойством чего-то

более всеобъемлющего и устойчивого, чем само ее исполнение и даже она сама; речь идет не о ролевой характеристике, а о характеристике личности – ее внутренних качествах, моральных установках, динамическом стереотипе и т.п.» [Goffman, 1974]. Роль получает внешнее воплощение и приоткрывает «Я» во фрейме как системе интеракции, а поэтому личностная идентичность изменяется в заданных фреймом обстоятельствах [ibid] и люди таким образом стремятся проявить себя выгодным образом.

Когда информанты являются участниками ситуаций, в которых потребление алкоголя считается социальной нормой, от «других» им поступают предложения присоединиться к выпивке: «*Давай за компанию*», «*Выпей за компанию*», «*Ты меня уважаешь?*», «*Да ладно, давай по чуть-чуть*», «*Расслабься*», «*Да ладно тебе*», «*Только стакан*». Исходя из драматургического подхода И. Гофмана, таким способом потребители алкоголя «собирают сведения» о непьющих в целях определения ситуации [Goffman, 1956]. Как отмечают информанты, в такой ситуации их возмущает позиция потребителей алкоголя: «*Вообще меня бесит фраза "Выпьем за здоровье". Это противоречит... вот противоречивая фраза такая. Как можно пить отраву за здоровье? За здоровье нужно молиться, а не пить!*» (№ 15); «*Ну, это просто не я его не уважаю, а он меня не уважает, поскольку предлагает мне*» (№ 14); «*Вот эта вот позиция людей она немного мне непонятна. То есть если я не пью, я отличаюсь. Но я же не становлюсь каким-то плохим человеком. Я просто выбрала сама свой путь и не хочу вести такой образ жизни [потреблять алкоголь]*» (№ 9). Несмотря на внутреннее напряжение, трезвенники стремятся контролировать реакции других на свое поведение и для этого создают нужное впечатление проигрыванием тех или иных социальных ролей.

Активная социальная роль проявляется в твердой и решительной защите своей позиции: «*Если начинают предлагать, то я говорю, что вообще я не пью ни разу, никак. Начинаю даже немножко учить этих людей, что, мол, как это можно пить*» (№ 15). Трезвенники, которые устойчиво придерживаются данной роли, стремятся быть полезными обществу, их индивидуальные траектории и субъективный опыт прямо или косвенно распространяются на соседние социокультурные поля.

В то же время один из информантов, идентифицирующий себя активным трезвенником, заметил, что реализация привычной социальной роли не соответствует принятым нормам: «*Некоторые там пару человек до сих пор меня называют «сектант»*» (№ 7). Впоследствии им была выбрана роль, доступная для реализации и приближенная к социальным ожиданиям окружающих: «*Вначале резко себя вел, всех учил, о вреде [алкоголя], говорил при любых обстоятельствах. Получал обратную резкую реакцию... Затем заметил, что создаю атмосферу негатива, отчуждения. Изменил подход, с добрыми намерениями. Спокойно начал относиться*» (№ 7). В логике теории фреймов И. Гофмана данный информант переопределил последующие ситуации, чтобы они не переопределили его самого, и тем самым перестроил фрейм (рефрейминг). Вероятно, такие информанты ощущают, когда ситуация начинает выходить из-под контроля, и рационально оценивают ее с целью предотвращения нежелательных споров.

Рациональная роль более сдержанная и лучше соответствует социальным ожиданиям, не встречает сопротивления окружающих. Позиция обозначается кратким ответом на предложения выпить: «*Я не люблю это дело*», «*Я не буду*», «*Я не пью*», «*Не хочу*». Можно предположить, что роль рационального трезвенника характерна для тех, кто однажды переопределил ситуацию, и для тех, кто изначально предпочел ее проигрывать.

Пассивной роли предпочитают придерживаться люди, которые сфокусированы на собственном образе жизни как наиболее приемлемом для себя. У них нет желания влиять на других: «*Если я не пью, это не значит, что остальным нельзя... если я не люблю, это не значит, что я вам не разрешаю. Пожалуйста, кто чего любит*» (№ 12).

Конформную социальную роль проигрывают трезвенники, претворяющиеся потребителями алкоголя: «*Моя знакомая тщательно скрывала, что она не пьет. Налитый алкоголь она слегка пригубляла, делая вид, что пьет вместе со всеми*» (№ 20). Согласно теории

фреймов, так производится фабрикация – умышленное формирование ложных представлений о происходящем [Goffman, 1974].

Иногда конформная социальная роль проявляется в отказе от алкоголя, но с отсылкой к вымышленным внешним, независящим от индивида обстоятельствам: «Мама не разрешает», «За рулем», «Врач запретил» и т.п. Данная социальная роль скорее не является устойчивой, а проигрывается в зависимости от ситуации: «Я отшучивался... Сначала какие-то отмазки ненавязчивые, чтобы не портить обстановку. Потому что люди все-таки дороги, я все-таки с ними какое-то время проводил, какая-то совместная жизнь уже состоялась, и общение идет. То есть, чтобы не испортить общение, вот как-то отшучиваешься. В дальнейшем продолжается давление, опять же, потому что программа требует от человека, в его-то глазах он хороший. Любой в своих глазах хороший. И тем более когда человек связан с интоксикантами. Там включается уже неразумность с его стороны. И в этот момент, чтобы сохранить общение, мне не хватало раньше психологической квалификации, поэтому переходил на какую-то ответную грубость, или просто закрывал тему, либо пытался на серьезных тонах объяснить. Объяснения ни к чему не приводили» (№ 4).

Протестная роль заключается в отвержении норм потребления алкоголя с одновременным определением ситуации как безнадежной относительно переубеждения потребителей алкоголя. В соответствии с данной социальной ролью трезвенники избегают ситуаций, где происходит потребление алкоголя: «Мы покидаем эту компанию» (№ 14); «Я просто не хожу туда, где употребляют алкоголь» (№ 16).

Согласно вышеизложенному, в ситуациях потребления алкоголя трезвенниками проигрываются следующие типы социальных ролей:

активная (характеризуется навязыванием или отстаиванием собственной позиции независимо от того, каким образом определена ситуация);

рациональная (сдержанная, гибкая относительно той или иной ситуации потребления алкоголя, с аккуратным обозначением собственной позиции);

пассивная (характеризуется максимально возможной отстраненностью от дискурса об алкоголе);

конформная (формирующая ложные впечатления о себе как о потребителе алкоголя);

протестная (выражающая молчаливый отказ от участия в ситуациях потребления алкоголя).

С учетом проигрываемых ролей типологизированы практики поведения трезвенников в ситуациях потребления алкоголя «другими»:

– **активного вмешательства** (ясное выражение позиции в отношении алкоголя с попытками переубедить присутствующих);

– **рационального поведения** (скромный отказ от алкоголя с деликатным обозначением собственной позиции при возникшей необходимости);

– **пассивного соприутствия** (полное внутреннее безразличие к факту потребления алкоголя окружающими с одновременным обереганием собственного выбора трезвого образа жизни);

– **конформного поведения** (целенаправленное избегание компании пьющих с тем, чтобы никто не знал об избранном образе жизни, либо имитация поведения потребителей алкоголя);

– **протестного поведения** (сознательное игнорирование компаний потребителей алкоголя, связанное с отвержением норм потребления алкоголя с одновременным осознанием бесполезности переубеждения пьющих людей).

Заключение. Становление и выбор трезвого образа жизни определяется как объективными условиями взросления и социализации, так и субъективными возможностями реализации трезвеннических практик (знанием о них и их принятием как приемлемых для себя). Главными условиями становления трезвого образа жизни информантов являлись традиции семьи, воспитание, направленное на выработку негативного отношения

к алкоголю, увлечения, где требовались выдержка, выносливость, ясный ум, личный пример отказа от алкоголя значимых других. Перечисленные условия отражают основные каналы формирования трезвого образа жизни. Для информантов, находящихся на этапе взросления, – это прежде всего семья, школа, спортивный коллектив, учебное заведение, в более старшем возрасте – трудовой коллектив.

Мотивы выбора и ведения трезвого образа жизни связаны, с одной стороны, со стремлением сохранить, приумножить и восполнить личные капиталы, с другой – с реакцией индивидов на несовершенную систему социальной профилактики алкоголизации населения. Объективные условия и субъективные возможности, обусловившие становление и выбор трезвого образа жизни, различны в зависимости от габитуса и жизненной траектории индивидов, а значит, различаются у разных типов трезвенников. В то же время для всех вместе взятых информантов трезвость – социально нормативное, естественное явление, часть их повседневной жизни, которая обладает самооценностью и формирует мировоззрение окружающих.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Социально-демографические характеристики информантов

№	Характеристики	№	Характеристики
1	А, Е, Ж, 18 лет, студентка вуза, сирота, не замужем, детей нет	11	А, БКП, Ж, 66 л., уборщица, образование среднее, разведена, дети есть
2	П, Е, Ж, 18 лет, студентка вуза, не замужем, детей нет	12	П, Е, Ж, 40 л., руководитель, кандидат наук, не замужем, детей нет
3	П, БКП, М, 30 л., видеооператор, женат, дети есть	13	А, БКП, Ж, 31 г., фрилансер, образование высшее, замужем, дети есть
4	А, БКП, М, 32 г., общественный активист, образование высшее, не женат, детей нет	14	П, Е, Р, М, 24 г., повар, образование высшее, женат, дети есть
5	А, Е, Ж, 21 г., мастер маникюра, студентка вуза, есть партнер, детей нет	15	А, Е, М, 23 г., обучает детей компьютерным навыкам, студент вуза, образование высшее, не женат, детей нет
6	П, БКП, Р, Ж, 40 л., рабочая на фабрике, образование среднее профессиональное, не замужем, детей нет	16	П, БКП, М, 44 г., менеджер, образование высшее, женат, дети есть
7	А, БА, М, 27 л., общественный активист, образование неоконченное высшее, женат, детей нет	17	П, Е, Ж, 49 л., домохозяйка, образование среднее профессиональное, не замужем, детей нет
8	А, БКП, Ж, 18 л., медсестра, студентка вуза, образование среднее профессиональное, есть партнер, детей нет	18	П, БА, М, 37 л., предприниматель, образование высшее, женат, дети есть
9	А, Е, Ж, 21 г., секретарь, студентка вуза, не замужем, детей нет	19	А, Е, Р, Ж, 18 л., студентка, не замужем, детей нет
10	А, БКП, Ж, 47 л., бухгалтер, образование высшее, в разводе, дети есть	20	А, Е, Ж, 58 л., руководитель, образование высшее, в разводе, дети есть

Примечание. Последовательно указаны типы трезвенников, пол, возраст, сфера деятельности, образование, семейное положение, наличие детей. Типы обозначены буквами: А – активные, П – пассивные, Р – религиозные, Е – естественные, БКП – бывшие «культурно пьющие», БА – бывшие алкоголезависимые.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афанасьев А.Л. Трезвенное движение в России в период мирного развития. 1907–1914 годы: опыт оздоровления общества. Томск: ТУСУР, 2007.
- Бурдые П. Различение: социальная критика суждения // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 3. С. 25–48.
- Возьмитель А.А. Образ жизни // Социологическая энциклопедия. М.: Мысль, 2003. С. 72.
- Волков В., Хархордин О. Теория практик. СПб.: ЕУ, 2008.

- Горченко С.А. Трезвенничество как социальное явление: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04. М.: ИС РАН, 1992.
- Жегусов Ю.И., Лыткин М.И. Трезвые села Якутии: первые успехи // Антиалкогольная политика Российской Федерации как средство обеспечения национальной безопасности. Материалы I всерос. научно-практ. конф. Якутск: СВФУ им. М.К. Аммосова, 2018. С. 183–187.
- Зотова В.А. Механизмы формирования «коллективной трезвости» в российском селе: ценностно-ориентированный подход // Солидарность и конфликты в современном обществе. Мат. науч. конф. XII Ковалевские чтения. СПб.: Скифия-принт, 2018. С. 214–216.
- Ильин В.И. Драматургия качественного полевого исследования. СПб.: Интерсоцис, 2006.
- Позднякова М.Е., Заиграев Г.Г., Рыбакова Л.Н. и др. Потребление алкоголя в России. Социологический анализ [электронный ресурс]. М.: ИС РАН, 2011. URL: http://www.isras.ru/inab_2011_01.html (дата обращения: 10.12.2022).
- Ярзуткина А.А. Алкоголь в микросоциуме чукотского села: социальная репутация групп трезвости // Культура и цивилизация. 2016. Т. 6 (6А). С. 161–173.
- Ajzen I. The theory of planned behavior. *Organizational behavior and human decision processes*. 1991. Vol. 50. No. 2: 179–211.
- Bartram A., Elliott J., Crabb S. 'Why can't I just not drink?' A qualitative study of adults' social experiences of stopping or reducing alcohol consumption // *Drug and alcohol review*. 2017. Vol. 36. No. 4. P. 449–455.
- Bourdieu P. Forms of capital // Richardson, John (ed.). *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. N.Y., Westport, Conn.: Greenwood Press, 1986. P. 241–258.
- Caluzzi G., MacLean S., Penny A. Re-configured pleasures: How young people feel good through abstaining or moderating their drinking // *International Journal of Drug Policy*. 2020. Vol. 77. P. 102709. DOI: 10.1016/j.drugpo.2020.102709.
- Chiappetta V., García-Rodríguez O., Jin C.J., Secades-Villa R., Blanco C. Predictors of quit attempts and successful quit attempts among individuals with alcohol use disorders in a nationally representative sample // *Drug and alcohol dependence*. 2014. Vol. 141. P. 138–144.
- Cho H. Influences of Self-Monitoring and Goal-Setting on Drinking Refusal Self-Efficacy and Drinking Behavior // *Alcoholism Treatment Quarterly*. 2007. Vol. 25. No. 3. P. 53–65. DOI: 10.1300/J020v25n03_05.
- Coombs R.H., Wellisch D.K., Fawzy F.I. Drinking Patterns and Problems among Female Children and Adolescents: A Comparison of Abstainers, Past Users, and Current Users // *The American Journal of Drug and Alcohol Abuse*. 1985. Vol. 11. No. 3–4. P. 315–348. DOI: 10.3109/00952998509016869.
- Einstein S. Abstinence and Abstainers // *International Journal of the Addictions*. 1981. Vol. 16. No. 7. P. III–IV. DOI: 10.3109/10826088109039166.
- Eward A.M., Wolfe R., Moll P., Harburg E. Psychosocial and behavioral factors differentiating past drinkers and life-long abstainers // *American journal of public health*. 1986. Vol. 76. No. 1. P. 68–70.
- Goffman E. *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. USA: Harvard University Press, 1974.
- Goffman E. *The presentation self in every day life*. Scotland: University of Edinburgh, 1956.
- Jarl J., Gerdttham U.-G. Wage Penalty of Abstinence and Wage Premium of Drinking – A Misclassification Bias due to Pooling of Drinking Groups? // *Addiction Research & Theory*. 2010. Vol. 18. No. 3. P. 284–297. DOI: 10.3109/16066350903003347.
- Jongenelis M.I., Pettigrew S., Biagioni N. Drinking Refusal Self-Efficacy and Intended Alcohol Consumption During a Mass-Attended Youth Event // *Substance Use & Misuse*. 2018. Vol. 53. No. 5. P. 744–754. DOI: 10.1080/10826084.2017.1363239.
- Lee M.R., Sher K.J. "Maturing out" of binge and problem drinking // *Alcohol research: current reviews*. 2018. Vol. 39. No. 1. P. 31–42.
- Malloch M.S., Yates R. *Some Concluding Thoughts*. In.: *Tackling Addiction: Pathways to Recovery*, London: Jessica Kingsley Publisher, 2010.
- Marlatt G.A., Baer J.S., Quigley L.A. Self-efficacy and addictive behavior. *Self-efficacy in changing societies*, 1997. P. 289–315.
- Piacentini M.G., Banister E.N. Managing Anti-Consumption in an Excessive Drinking Culture. *Journal of Business Research*. 2009. Vol. 62. No. 2. P. 279–288. DOI: 10.1016/j.jbusres.2008.01.035.
- Rosansky J.A., Rosenberg H. A systematic review of reasons for abstinence from alcohol reported by lifelong abstainers, current abstainers and former problem-drinkers. *Drug and alcohol review*. 2020. Vol. 39. No. 7. P. 960–974.
- Supski S., Lindsay J. 'There's Something Wrong with You' How Young People Choose Abstinence in a Heavy Drinking Culture. *Young*. 2017. Vol. 25. No. 4. P. 323–338.
- Van Lettow B., de Vries H., Burdorf A. et al. Associations Between Abstainer, Moderate and Heavy Drinker Prototypes and Drinking Behavior in Young Adults. *Psychology & Health*. 2013. Vol. 28. No. 12. P. 1407–1423. DOI: 10.1080/08870446.2013.821473.

SOBER LIFEWAY: MOTIVES, ROLES AND PRACTICES**BELOVA Yu.Yu.***National Research University "Higher School of Economics", Russia**Yulia Yu. BELOVA, Cand. Sci. (Soc.), Leading Research Fellow, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia (ybelova@hse.ru).*

Acknowledgements. This article is implemented as part of the Basic Research Program at the HSE University.

Abstract. In the article, following elements of a sober way of life are revealed on the basis of in-depth biographic interviews with nondrinkers: conditions, motives, social roles, and social practices of nondrinkers. Types of nondrinkers are fixed by criterion of habitus ("natural", «former "culturally drinking»", "former alcohol-addicted"). It is shown that objective conditions and subjective opportunities of formation/choice of a sober lifeway differ depending on a habitus and vital events. Using P. Bourdieu's concept of capitals it is found that motives of the choice and maintaining a sober lifeway differ by criterion of orientation on the capitals ("preservation", "increasing", "completion"); motives of the choice and maintaining a sober lifeway are connected both to the personal capitals ("egocentrism"), and the public capitals ("sociocentrism"). V.I. Ilyin's concept of the sociocultural field, E. Goffman's dramaturgic approach and concepts of social identity and frames allowed to ascertain what social roles are played by nondrinkers in situations of alcohol consumption on the brink of sociocultural field ("active", "rational", "passive", "conformal", "protest"). It is concluded that these social roles reflect behavior practices of nondrinkers ("active intervention", "rational behavior", "a passive co-presence", "conformal behavior", "protest behavior").

Keywords: Sober lifeway, nondrinkers, sobriety, refusal from alcohol, alcohol consumption, deep interview, biographic interview.

REFERENCES

- Afanas'ev A.L. (2007) The Sober Movement in Russia During the Period of Peaceful Development. 1907–1914: the Experience of Improving Society. Tomsk: TUSUR. (In Russ.)
- Ajzen I. (1991) The Theory of Planned Behavior. *Organizational behavior and human decision processes*. Vol. 50. No. 2: 179–211.
- Bartram A., Elliott J., Crabb S. (2017) 'Why Can't I just not Drink?' A Qualitative Study of Adults' Social Experiences of Stopping or Reducing Alcohol Consumption. *Drug and alcohol review*. Vol. 36. No. 4: 449–455.
- Bourdieu P. (2005) Dinstinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. *Ekonomicheskaya sociologiya* [Journal of Economic Sociology]. Vol. 6. No. 3: 25–48. (In Russ.)
- Caluzzi G., MacLean S., Pennay A. (2020) Re-configured pleasures: How Young People Feel Good Through Abstaining or Moderating their Drinking. *International Journal of Drug Policy*. Vol. 77: 102709. DOI: 10.1016/j.drugpo.2020.102709.
- Chiappetta V., García-Rodríguez O., Jin C.J., Secades-Villa R., Blanco C. (2014) Predictors of quit Attempts and Successful quit Attempts among Individuals with Alcohol Use Disorders in a Nationally Representative Sample. *Drug and alcohol dependence*. Vol. 141: 138–144.
- Cho H. (2007) Influences of Self-Monitoring and Goal-Setting on Drinking Refusal Self-Efficacy and Drinking Behavior. *Alcoholism Treatment Quarterly*. Vol. 25. No. 3: 53–65. DOI: 10.1300/J020v25n03_05.
- Coombs R.H., Wellisch D.K., Fawzy F.I. (1985) Drinking Patterns and Problems among Female Children and Adolescents: A Comparison of Abstainers, Past Users, and Current Users. *The American Journal of Drug and Alcohol Abuse*. Vol. 11. No. 3–4: 315–348. DOI: 10.3109/00952998509016869.
- Einstein S. (1981) Abstinence and Abstainers. *International Journal of the Addictions*. Vol. 16. No. 7: III–IV. DOI: 10.3109/10826088109039166.
- Eward A.M., Wolfe R., Moll P., Harburg E. (1986) Psychosocial and behavioral factors differentiating past drinkers and life-long abstainers. *American journal of public health*. Vol. 76. No. 1: 68–70.
- Goffman E. (1956) The presentation self in everyday life. Scotland: University of Edinburgh.
- Goffman E. (1974) Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. USA: Harvard University Press.
- Gorchenko S.A. (1992) *Temperance as a social phenomenon: PhD dissertation in sociological sciences*. Moscow: IS RAN. (In Russ.)
- Il'in V.I. (2006) Dramaturgy of Qualitative Field Research. St. Petersburg: Intersocis. (In Russ.)

- Jarl J., Gerdtham U.-G. (2010) Wage Penalty of Abstinence and Wage Premium of Drinking – A Misclassification Bias due to Pooling of Drinking Groups? *Addiction Research & Theory*. Vol. 18. No. 3: 284–297. DOI: 10.3109/16066350903003347.
- Jongenelis M.I., Pettigrew S., Biagioni N. (2018) Drinking Refusal Self-Efficacy and Intended Alcohol Consumption During a Mass-Attended Youth Event. *Substance Use & Misuse*. Vol. 53. No. 5: 744–754. DOI: 10.1080/10826084.2017.1363239.
- Lee M.R., Sher K.J. (2018) “Maturing out” of Binge and Problem Drinking. *Alcohol research: current reviews*. Vol. 39. No. 1: 31–42.
- Malloch M.S., Yates R. (2010) Some Concluding Thoughts. In: *Tackling Addiction: Pathways to Recovery*, London: Jessica Kingsley Publisher.
- Marlatt G.A., Baer J.S., Quigley L.A. (1997) Self-efficacy and Addictive Behavior. *Selfefficacy in changing societies*: 289–315.
- Piacentini M.G., Banister E.N. (2009) Managing Anti-Consumption in an Excessive Drinking Culture. *Journal of Business Research*. Vol. 62. No. 2: 279–288. DOI: 10.1016/j.jbusres.2008.01.035.
- Pozdnyakova M.E., Zaigraev G.G., Rybakova L.N. et al. (2011) Alcohol Consumption in Russia. Sociological Analysis. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. URL: http://www.isras.ru/inab_2011_01.html (accessed 10.12.2022). (In Russ.)
- Rosansky J.A., Rosenberg H. (2020) A Systematic Review of Reasons for Abstinence from Alcohol Reported by Lifelong Abstainers, Current Abstainers and Former Problem-Drinkers. *Drug and alcohol review*. Vol. 39. No. 7: 960–974.
- Supski S., Lindsay J. (2017) ‘There’s Something Wrong with You’ How Young People Choose Abstinence in a Heavy Drinking Culture. *Young*. Vol. 25. No. 4: 323–338.
- Van Lettow B., de Vries H., Burdorf A. et al. (2013) Associations Between Abstainer, Moderate and Heavy Drinker Prototypes and Drinking Behavior in Young Adults. *Psychology & Health*. Vol. 28. No. 12: 1407–1423. DOI: 10.1080/08870446.2013.821473.
- Voz'mitel' A. A. (2003) Lifestyle. In: *Sociological Encyclopedia*. Moscow: Mysl': 72. (In Russ.)
- Zhegusov Yu.I., Lytkin M.I. (2018) Sober villages of Yakutia: first successes. In: *Anti-alcohol policy of the Russian Federation as a means of ensuring national security*. Yakutsk: NEFU in Yakutsk. 183–187. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32639398_93473794.pdf (In Russ.) (accessed 26.05.22).
- Zotova V.A. (2018) Mechanisms of Formation of “Collective Sobriety” in the Russian Countryside: a Value-Oriented Approach. In: *Solidarity and conflicts in modern society. Materials of the scientific conf. XII Kovalev readings*. St. Petersburg: Scythia-print. (In Russ.)

Received: 05.09.22. Final version: 19.12.22. Accepted: 20.12. 22.